

Русский язык

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.20323/2499-9679-2024-3-38-58

EDN: LFDXPT

Функциональное поле вопросительности в современных печатных СМИ

Аля Васильевна Канафьева^{1✉}, Ольга Эдуардовна Губина²

¹Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта, Государственный университет просвещения. 141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

²Аспирант кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта, Государственный университет просвещения. 141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

¹kanafeva.alya@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-1367-9783>

²o_gubina@internet.ru, <https://orcid.org/0009-0000-7627-863X>

Аннотация. Целью статьи является определение и характеристика парадигмы вопросительных конструкций, употребляемых в аналитических жанрах печатных СМИ. Частотность и целесообразность их употребления, коммуникативная детерминированность обосновывается их вопросительной формой, создаваемой интонацией, местоимёнными и партикулярными компонентами. Местоименными компонентами *кто, что, какой, зачем, почему* и др. фиксируются ключевые фактуальные вопросы темы публикации. В свою очередь, партикулярные компоненты *неужели, разве* и др. выражают разнообразные модально-оценочные смыслы вопросительных конструкций, авторскую позицию. Эта вопросительность является, с одной стороны, своеобразным риторическим приёмом, особым способом преподнесения авторской позиции по выдвигаемой проблеме, а с другой – эффективным средством воздействия на адресата, стимулируя его к формированию соответствующей позиции, определённых оценок и мнений. В статье освещаются вопросы базовых компонентов вопросительных конструкций, особенности их структуры и присущие той или иной модели оттенки смысла. Отмечается использование вопросительных конструкций в роли единиц заголовочного комплекса: заголовка, подзаголовка, лида, а также в содержании публикации; их участие в вопросно-ответных единствах. Обращается внимание на их полифункциональность в тексте проблемной статьи, их использование как единиц аргументации в рассуждении автора. Отмечаются фрагменты текста проблемной статьи, образованные только вопросительными конструкциями с аргументативной функцией, представляющими логическую цепь с дедуктивным или индуктивным способом изложения. Анализируется использование вопросительных конструкций и как особых знаков фиксации авторской позиции и авторской оценки, что особенно характерно для вопросительных блоков, отражающих логику рассуждений автора.

Ключевые слова: категория вопросительности; вопросительная конструкция; заголовочный комплекс; заголовок; подзаголовок; лид; язык СМИ; газетный дискурс

Для цитирования: Канафьева А. В., Губина О. Э. Функциональное поле вопросительности в современных печатных СМИ // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 3 (38). С. 58–65. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-58>. <https://elibrary.ru/LFDXPT>

Russian language

Original article

The functional field of the interrogative in modern print media

Alya V. Kanafieva^{1✉}, Olga E. Gubina²

¹Doctor of philological sciences, associate professor, professor at the department of modern russian language named after prof. P. A. Lecant, State university of education. 141014, Mytishchi, Vera Voloshina st., 24.

²Postgraduate student at the department of modern russian language named after prof. P. A. Lecant, State university of education. 141014, Mytishchi, Vera Voloshina st., 24.

¹kanafeva.alya@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-1367-9783>

²o_gubina@internet.ru, <https://orcid.org/0009-0000-7627-863X>

Abstract. The article aims to define and characterize the paradigm of interrogative constructions used in the print media analytical genres. The frequency and appropriateness of their use, as well as their communicative determinism are justified by their interrogative form created by intonation, pronominal and particular components. The pronominal components *кто, что, какой, зачем, почему* etc. fix the key factual issues of the publication topic. In its turn, particular components *неужели, разве*, etc. express various modal-evaluative meanings of interrogative constructions and the author's position. This interrogativeness is, on the one hand, a peculiar rhetorical device, a special way of presenting the author's position on the problem raised, and, on the other hand, an effective means of influencing the addressee, stimulating them to form an appropriate position, certain assessments and opinions. The article presents the basic components of interrogative constructions, the specificity of their structure and the nuances of meaning inherent in a particular model. It analyzes the use of interrogative constructions as units of the heading complex: headline, subtitle, lead, as well as in the content of the publication, and their participation in question-answer units. The authors pay attention to their multifunctionality in the problem article, their use as units of argumentation in the author's reasoning. The article notes fragments of the text of a problem article formed only by interrogative constructions with an argumentative function, representing a logical chain with a deductive or inductive method of presentation. It analyzes the use of interrogative constructions as special signs of fixing the author's position and assessment, which is especially typical for interrogative blocks that reflect the logic of the author's reasoning.

Key words: category of the interrogative; interrogative construction; heading complex; headline; subtitle; lead; media language; newspaper discourse

For citation: Kanafieva A. V., Gubina O. E. The functional field of the interrogative in modern print media. *Verhnevzhski philological bulletin*. 2024;(3):58–65. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-58>. <https://elibrary.ru/LFDXPT>

Введение

Коммуникативные стратегии в газетном дискурсе СМИ реализуются, наряду с другими языковыми средствами, разнообразными структурно-семантическими типами вопросительных синтаксических конструкций. Вопросительная форма всегда привлекает внимание, побуждает к ответной реакции, к определению собственной позиции. Характеризуя средства когезии в газетных текстах, И. Р. Гальперин отмечает, что они «определены прагматической установкой этого типа коммуникации, а именно уложить возможно больше информации в возможно меньшее количество строк. Такая лапидарность текста приводит к необходимости избегать всяких формально-грамматических средств связи» [Гальперин, 2008, с. 74].

«Из-за вопросительной формы сообщение или побуждение приобретает эмоционально-экспрессивный характер: позволяет говорящему выразить утверждение, отрицание, позитивные (радость, восхищение, одобрение, умиление, гордость) или негативные (опасение, возмущение, негодование, сожаление, неодобрение, упрек) эмоции и чувства, связанные с предметом речи, высказывания» [Канафьева, 2021, с. 68].

Вопросительные конструкции по-разному встраиваются в канву текста: используются как единицы заголовочных комплексов: заголовки, подзаголовки, лиды; фрагменты содержания публикации, часто заключающие её ключевые положения.

Особенности структурно-семантической организации, модально-оценочные значения вопросительных конструкций обуславливают и их прагматический потенциал. «Их функциями являются и коммуникативная (в них содержится сообщение), и суггестивная (они являются средством воздействия), и контактоустанавливающая (вопросительность формы стимулирует ответную реакцию), и эмоционально-экспрессивная (наряду с ядерными значениями отрицания или утверждения в них выражаются размышления, эмоции, оценки)» [Канафьева, 2021, с. 68–69].

Функции вопросительных конструкций как составных частей заголовочного комплекса: заголовок – подзаголовок – лид

Широкое распространение во всех жанрах печатных СМИ имеют вопросительные заголовки. Заголовочная позиция вопросительного предложения прогнозирует и содержание представляемого текста, и в определённой степени авторскую оценку.

Сформулированный заголовком вопрос обязывает автора дать на него ответ. Заголовочным вопросом нередко определяется авторская модальность: заголовок-предположение, заголовок-размышление, заголовок-подозрение, заголовок-осуждение. Например: *Пентагон подделал видео?* – персуазивный смысл заголовка требует аргументированного обоснования текстом статьи, которая тоже содержит вопросы как индуктивные звенья движения от общего к частному: *Вполне возможно, что американские специалисты пока-*

зали в итоге как раз нечто подобное с пропагандистскими целями. Чтобы доказать свою версию, своё толкование эпизода. **Иначе почему они целые сутки медлили быть с опубликованием данного ролика? Может быть, как раз потому, что программисты и дизайнеры работали над созданием нового ролика?** (Итоги и факты. 2023, № 13). Допущение, предположение, содержащееся в заголовке публикации, поддерживается и развивается вопросительными конструкциями в её тексте, представляющими аргументативное обоснование.

Вопросительно-местоимённые заголовки включают в себя суть выдвигаемой проблемы: *что, кто, зачем, почему* и др. Заголовки такого типа вызывают интерес, стимулируют адресата к ознакомлению с публикацией: **Что за оружие способно изменить баланс сил на планете и кто вынашивает планы по его массовому применению?** (Итоги и факты, 2023, № 13); **Чем закончится для Украины кошмар в Израиле?** (Аргументы недели. 2023, № 40). Часто они вводят читателя в актуальную, злободневную общественно-политическую внутреннюю или международную тему: **Что происходит на земле обетованной? Что происходит между ними?** – заголовок и подзаголовок статьи о конфликте Израиля и Палестины анонсируют её содержание, предвосхищая позицию автора публикации, пробуждая читательский интерес (Аргументы недели. 2023, № 40).

Заголовок может иметь двучленную структуру, образуемую сочетанием повествовательного предложения с констатацией факта и вопросительного, определяющего проблему публикации: **Спячка в холода. Как преодолеть?** (Аргументы недели, № 2, 2024); **Графический интеллект – компромиссное бытие или новое сознание?** (Литературная газета. 2024, № 3).

Вопросительные конструкции используются как логически связанные структурные единицы в триединстве: заголовок – подзаголовок – текст: **Когда мозг выходит на пенсию** – в заголовке обозначение проблемы вопросительно-местоимённой конструкцией, оформленной как повествовательное предложение без вопросительного знака; **Хотите жить до 100 лет? Начните действовать уже сейчас!** – в подзаголовке интригующий вопрос, развивающийся следующими за ним вопросительными конструкциями уже в тексте самой статьи, создающими ситуацию диалога автора и воображаемого читателя: **Как вы думаете, когда наш мозг «выходит на пенсию»? В 70, 80, а может, в 90 лет? А вот и нет! ... И**

самым первым признаком деменции, самым тревожным звонком, является... **Что бы Вы думали? Нарушение сна! ... Знакомо? Тогда знайте: Вы уже в зоне риска! ... Чтобы ружьё выстрелило, надо нажать спусковой крючок. У многих заболеваний он тоже есть. Например, нарушение сна может спровоцировать рост раковых клеток. Вы знали об этом? Как такое может быть?...** А значит, вероятность заболеть раком с каждым годом растёт. И, по словам специалистов, к 70 годам достигает своего пика. **Страшно? Не то слово!** (Комсомольская правда. 2023, № 2024/52–т).

В проблемной статье на злободневную политическую, экономическую, международную, социальную тему вопросительные конструкции заголовочного комплекса нередко образуют триединство. К примеру, в статье о негативных явлениях в образовательной среде и пагубных их последствиях вопросительный заголовок формулирует проблему: **Когда уходит детство?** – вопросительный подзаголовок конкретизирует её: **Почему современная молодежь не торопится взрослеть?** – вопросительный лид вводит в содержание: **Старшие спорят: это такое поколение или такая эпоха? Но простого ответа и быть не может** (Аргументы недели. 2023, № 50).

Вопросно-ответное единство

Вопросительные конструкции являются единицами вопросно-ответного единства: автор конструирует диалог с воображаемым читателем, часто не будучи уверен в его солидарности, желаемой реакции. На сформулированные вопросы он отвечает сам: **Что сказать, опять же не сильно развивая тему? Пожалуй, только: «Не жили богато, не надо бы и начинать»** (Аргументы недели. 2023, № 9). **Выросла целая прослойка паразитирующих компаний по правовому обеспечению миграции. Как мигранту получить какую-нибудь справку, если он не в состоянии писать по-русски? Никак, вот он и платит этим компаниям, которые прикармливаются местными чиновниками** (Аргументы недели. 2024, № 2). В риторике подобные структуры определяются как субъекция – условное разыгрывание речевого общения, «фигура, с помощью которой оратор вопрошает себя и отвечает на свои собственные вопросы или спрашивает слушателя, оставляя ответ за собой» [Грановская, 2004, с. 79].

Использование вопросно-ответных единств в аналитическом жанре статьи является способом достижения диалогизации текста – отличительной

черты современных медиатекстов вообще. Как отмечается исследователями языка СМИ, «диалогизация превращается в особый стилистический приём, цель которого – сознательное, преднамеренное воздействие на массового адресата, вовлечение его в обсуждение поставленной автором и часто важной для общества проблемы» [Зубова, Казеко, 2014, с. 12].

Прагматика вопросительных конструкций в тексте аналитического жанра статьи

Вопросительными конструкциями насыщен текст проблемных статей, в которых первостепенную роль играют факты и аргументы: *Тогда встанет ребром вопрос: а что ты реально умеешь делать, какой у тебя пробивной потенциал и как ты умеешь себя организовывать? При этом высшее образование стало адски дорогим. Так стоит ли вкладывать силы и средства в будущие долги?*

Но как это [независимость] возможно для застрявшего в детстве айдженера, который ходит по магазинам с родителями и не способен прочитать толстую книгу? ... Пойти по старинке учиться в университет, заодно расширив кругозор и обрести ценные коммуникационные навыки?

Все к этому настолько привыкли, что даже не задают себе страшного вопроса: а чем таким важным кормят недоросля в школе, если он через 12 лет ежедневного обучения не в состоянии ставить цели, подбирать инструменты, поддерживать самодисциплину, формировать кругозор, искать информацию? Может быть, его «грузят» не той информацией? Или не так ее подают? Или просто инфы слишком много, чтобы поместить ее в маленький человеческий мозг, который еще и склонен выталкивать все ненужное обратно? (Аргументы недели. 2022, № 48). В вопросительную форму заключены не только факты, но и предположения автора о причинах проблемной ситуации в образовании. «Сочетание социального и частного в образе автора помогает журналисту в полной мере осветить то или иное событие. Реципиенты воспринимают текст через особую призму восприятия автора, что в известной степени влияет на формирование позиции адресата [Губина, 2023, с. 95–96]. Автор, бе условно, имеет собственную позицию и оценку, но предпочитает завуалировать её в модально-персуазивные вопросы, образующие

вопросительно-риторический блок, завершающий публикацию. Такая композиция, представляющая собой аргументативную стратегию (фактологические и ценностные аргументы), тоже значима для стимулирования размышлений адресата над *страшным вопросом*.

Приведённый пример иллюстрирует и приём самоустранения, нередко упоминаемый среди речевых импликаций, под которыми «понимаются идеи, непосредственно не высказываемые в тексте, но выводимые из него на основе общих законов речевого общения» [Булыгина, Шмелёв, 1996, с. 64]. Каскад вопросов – это возможные, но чётко не определённые причины сложившейся в образовательной среде проблемной ситуации.

Вопросительными конструкциями, образующими логическую цепь от общего к частному, реализуется внутренняя программа автора: *16-летней девочке (статья о Грете Тунберг – А.К.) трудно объяснить, что какие бы государства ни подписались под Киотским протоколом, они особо не стараются его выполнять. Как с этим бороться? Объявлять санкции или устраивать новую «Бурю в пустыне»? Что будет тогда с мировым сотрудничеством и глобальной торговлей? Не угробит ли такой подход нашу планету быстрее парниковых газов?* (Аргументы недели. 2022, № 2) – дедуктивная связь вопросительных конструкций, при которой заключительная представляет собой предположение автора о нежелательной перспективе.

Авторское я особенно отчётливо проявляется в вопросительных конструкциях с разнообразными частицами, благодаря которым создаётся не только вопросительность формы, но и широкий и яркий спектр модальных и эмоциональных значений с их оттенками, нюансами, тонкостями. Частицы обладают специфической функцией в создании «скрытой семантики», «теневого высказывания», выходя «за пределы описываемой нормативной ситуации» [Николаева, 2000, с. 91].

Ярким модально-оценочным потенциалом обладают частицы *неужели* и *разве*. В вопросительных конструкциях с этими частицами модальные значения (предположения, недопустимости, невозможности, нецелесообразности) сочетаются с разнообразными эмоциональными оттенками значения, позитивными или негативными. В вопросительно-риторическом обрамлении предстаёт мир эмоций, оценок, отношений: назидание, возмущение, осуждение, протест, порицание и др.

В условной вопросительной форме с частицей *неужели* выражается авторское мнение, его пози-

ция и лишь отчасти расчёт на солидарность адресата. Их семантика в наиболее общем виде – это выражение несоответствия позиции автора иной версии или трактовке события, обличительно-оценочный пафос: *Конечно, и я не знаю, чем теперь закончится эта история, но смею, во всяком случае, надеяться, что археология на Охте будет сохранена и музеефицирована в гораздо большем объеме, нежели предполагалось до сих пор. Потому что президентская прямая речь не может не иметь прямого действия. Но после заседания Совета не могу отогнать неотступную мысль: неужели для того, чтобы благое дело стало реальностью, в России 2020 года необходимо личное вмешательство президента? Неужели никто, кроме него, не чувствует разницы между уникальным и обычным, не понимает ценности этого места, не видит для него лучшей судьбы, нежелать стать стройплощадкой? Ни в Минкультуры, ни в петербургской мэрии, ни в археологических инстанциях? Не может такого быть! Или может?* (Коммерсант. 2020, № 12). Задача автора статьи – обратить внимание аудитории на беспомощность чиновников всех рангов в решении вопросов, напрямую от них зависящих. «Неотступная мысль» автора оформлена рядом несобственно вопросительных предложений с частицей *неужели*. Как правило, оценочному суждению предшествует ряд фактов, которые подтверждают авторскую точку зрения. Несобственно вопросительные предложения подводят итог размышлениям, характеризуют описываемую раннее ситуацию как нечто абсурдное и не поддающееся логичному объяснению. Риторическое высказывание с частицей *неужели* имеет семантику утверждения уверенности автора в обратном: *Не может такого быть! Или может?*

Осуждающий пафос на фоне поиска причин катастрофических событий, приводящих к не менее катастрофическим результатам имеют вопросительные конструкции в следующем тексте: – *Плохо влияют нигилисты и ковид-диссиденты. Неужели так трудно носить маски! Неужели непонятно, что маска реально уменьшает вероятность заражения.* [Ведомости..., 2020, № 12]. Благодаря частице *неужели* в выделенных вопросительных конструкциях выражаются субъективно-модальные значения недоумения и осуждения. «Пропозиция с частицей *неужели* представляется говорящему невероятной» [Булыгина, Шмелёв, 1997, с. 270].

В приведённых выше вопросительных конструкциях с частицей *неужели* имеет место её по-

втор, что способствует усилению эмоционально-оценочной составляющей их семантики. «Наряду с полным повтором конструкция может расширяться также посредством перифрастического дублирования смысла», что «даёт говорящему более широкие возможности для коннотативных вариаций выражаемого содержания. Местоимённый вопрос-перифраз может вносить уточнение в общее содержание вопроса, он может продолжать, углублять, усиливать выраженные в нём мысли» [Волгина, 1986, с. 29].

Со значением частицы *неужели* перекликается значение частицы *разве*, однако их нельзя отождествлять: Содержание предложения с частицей *разве* противоречит положительным сведениям, которыми ранее располагал говорящий, а содержание предложения с частицей *неужели* – его гипотезам, которые он склонен выдвинуть, но об истинности которых у него нет положительных данных» [Булыгина, Шмелёв 1997, с. 275]. *Как ведут себя американцы во время отключения света и в темное время суток? Зачастую идут на улицу грабить магазины и прохожих. Разве кому-нибудь в России придет в голову подобное поведение?* (Аргументы недели. 2023, № 53.); *А без диалога разве можно что-то решить?* (Литературная газета. 2024, № 3) – в выделенных конструкциях с *разве* общее значение отрицания за счёт частицы приобретает большую степень категоричности.

Кроме наиболее активных *неужели* и *разве* необходимо отметить и другие вопросительно-модальные частицы: *ли, или (иль), что за, что если (а что если; ну, а если; ну, а коли (коль), не ли (ль)*. Их активность имеет непротиворечивое объяснение: они представляют экспрессивную условно вопросительную форму и выражают оттенки модального смысла. В.В. Виноградов отмечал, что отпечаток модальности присущ всем вопросительным словам: «Модальные значения вопросительных наречий и частиц сказываются в их яркой экспрессивной окраске» [Виноградов, 1947, с. 742].

В некоторых случаях утверждение какой-либо пропозиции (факта), неприемлемой для автора, влечёт за собой вопросы оценочно-императивной семантики с конструируемой перспективой: *Отток населения из сельской местности и малых городов в крупные центры – не только российская специфика. Это мировая тенденция – рост городских агломераций за счёт периферии. Означает ли это, что можно только наблюдать за процессом? И до каких пор? Пока всё население*

Российской Федерации не сконцентрируется в трёх агломерациях – Москва, Питер и черноморский Юг? Если и дальше молодёжь, активные специалисты будут «вымываться» из провинции, большинство регионов станут просто заброшенными территориями (Аргументы недели. 2023, № 40). Отмеченные вопросительные конструкции как эквиваленты повествовательных предложений могут быть представлены следующим образом: **Нельзя только наблюдать за процессом до тех пор, пока всё население Российской Федерации не сконцентрируется в трёх агломерациях – Москва, Питер и черноморский Юг.** Выбор именно вопросительной формы синтагм лежит в сфере авторских предпочтений. Он обусловлен намерением достичь максимальной степени суггестивности и как её результат – солидарности с авторской позицией массового адресата. Интересным представляется следующее размышление: «Чем руководствуется говорящий (пишущий), выбирая одну конструкцию из ряда возможных? Во-первых, знанием (обычно – интуитивным) тонких, подчас едва уловимых семантических различий между ними; во-вторых, представлением о том, какая из синонимических конструкций наиболее расположена к данной грамматической и структурно-семантической модификации. Выбор осуществляется в соответствии с коммуникативно-стилистическим заданием» [Цейтлин, 1976, с. 181].

Имея твёрдую собственную позицию в проблемном вопросе, автор преподносит её читателю именно в вопросительно-экспрессивной форме – особом речевом приёме: «Риторический вопрос естественно включается в стратегические аспекты рассуждения» [Грановская, 2004, с. 79].

Так, описывая сложившуюся ситуацию на рынке недвижимости, а именно ипотечное кредитование, автор публикации формулирует вопросы, заключительный из которых остаётся «открытым», без ответа, притом что авторская позиция предельно ясна: **Сколько россиян могут позволить себе платить 50–70 тыс. ежемесячно? Да так, чтобы не протянуть ноги от голода да ещё накормить детей? Общий бюджет семьи должен тогда быть (с одним ребёнком!) тысяча двести, а лучше двести пятьдесят. Много у нас таких семей?!** (Аргументы недели, 2024, № 2). Адресату ясен и эмоциональный настрой адресанта – возмущение. Как замечает В. И. Шаховский, «каждый говорящий выражает возмущение по-своему, то есть индивидуально, но в любом языке имеется определённый инвентарь кодовых

средств выражения данной эмоции, варьирующих модель её выражения в определённых пределах, за которыми она уже не воспринимается как модель возмущения» [Шаховский, 2008, с. 141].

Модальность недопущения с оттенком осуждения какой-либо ситуации в проспекции имеют вопросительные конструкции в следующем фрагменте: **России за бугром исторически принадлежит более 1230 особо ценных объектов на сотни миллиардов долларов. Кому достанется это богатство? Неужели откажемся от него, как в горбачёвские и ельцинские времена?!** (Аргументы недели. 2024, № 4) – позиция автора не имеет чёткого обозначения, но она вполне понятна адресату.

Таким образом, изложенные нами наблюдения за использованием вопросительных конструкций в аналитическом жанре статьи позволяют утверждать, что вопросительная форма позволяет пишущим завуалировать решение поставленной проблемы в вопросительную форму, выразив ею не столько решение проблемы, сколько субъективное отношение к ней и к возможным путям её преодоления.

Заключение

Вопросительные конструкции в языке современных аналитических жанров СМИ являются коммуникативно детерминированными единицами, представленными в богатом разнообразии структурно-семантических моделей и функций. Единицы функционального поля вопросительности используются как заголовки, подзаголовки, лид, включаются в структуру содержания публикации, образуя и типизованные, и редкие синтагмы.

Они подчинены коммуникативной стратегии убеждения массового адресата, отражая в известной степени и позицию автора в определённой им проблеме и в поиске её решения.

Вопросительные конструкции имеют сложный, многоплановый и многоликий, комплекс значений, объединяя рациональное и эмоциональное, объективное и субъективное, что делает их эффективным средством воздействия на адресата, формирования у него соответствующих оценок и мнений. Несомненна их полифункциональность, хотя для современных публичных выступлений более всего характерны функция разоблачения и неразрывно связанная с ней эмотивно-аксиологическая.

Библиографический список

1. Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.
2. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке : учебное пособие для студентов вузов. Москва : Логос, 2003. 304 с.
3. Виноградов В. В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). Москва; Ленинград, 1947. 783 с.
4. Волгина Е. А. Некоторые структурные и функциональные свойства вопросительного предложения // Функциональная семантика синтаксических конструкций. Межвузовский сборник научных трудов. Москва, 1986. С. 25–30.
5. Володина М. Н. Язык массовой коммуникации – особый язык социального взаимодействия // Язык средств массовой информации: учеб. пособие для вузов. Москва : Альма Матер, 2008. С. 27–48.
6. Вомперский В. П. К изучению синтаксической структуры газетного заголовка // Искусство публикации (проблемы теории и мастерства). тез. докл. на республикан. научн. конф. Алма-Ата, 1966. С. 82–85.
7. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 6-е. Москва : Издательство ЛКИ, 2008. 144 с.
8. Грановская Л. М. Риторика. Москва : Азбуковник, 2004. 218 с.
9. Губина О. Э. Использование несобственно вопросительных предложений в структуре газетно-публицистического текста // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения д-ра филол. н., профессора Войловой К. А. (г. Москва, 27 февраля 2023 г.). Москва : ООО «Постатор», 2023. С. 95–98.
10. Дегальцева А. В. Изменения в информационных и аналитических жанрах современных СМИ / А. В. Дегальцева, О. Б. Сиротинина // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 2(38). С. 155–165.
11. Зубова С. В., Казеко Т. Н. Экспрессивные синтаксические конструкции в современной газетной речи // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 6 (33). С. 11–17.
12. Канафьева А. В. Вопросительные модификации односоставных и двусоставных предложений в современном русском языке // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 67–73.
13. Кобозева И. М. О первичных и вторичных функциях вопросительных предложений // Текст в речевой деятельности (Перевод и лингвистический анализ). Москва, 1988. С. 54–59.
14. Лагузова Е. Н., Ушакова А. П. Синтаксические фразеологизмы со словом *хоть* как средство выражения речевой агрессии // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 56–65.
15. Лазарева Э. А. Заголовок в газете. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1989. 96 с.
16. Лазарева Э. А. Заголовочный комплекс текста – средство организации и оптимизации восприятия // Проблемы образования, науки и культуры. Выпуск 19. 2006. № 40. С. 158–166.
17. Милованова С. О. Газетный заголовок как средство актуализации смысла // Известия Тульского Государственного Университета. Гуманитарные Науки. 2010. №1. С. 368–372.
18. Николаева Т. М. От звука к тексту. Москва : Языки русской культуры, 2000. 680 с.
19. Паршина О. Н. Российская политическая речь: Теория и практика / под ред. О. Б. Сиротининой. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва : Изд-во ЛКИ, 2007. 232 с.
20. Петрова Н. Е., Радибурская Л. В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии : учебное пособие. Москва : Флинта : Наука, 2017. 160 с.
21. Цейтлин С. Н. Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика. Москва : Наука, 1976. С. 161–181.
22. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций : монография. Москва : Гнозис, 2008. 416 с.

Reference list

1. Bulygina T. V., Shmeljov A. D. Jazykovaja konceptualizacija mira (na materiale ruskoj grammatiki) = Linguistic conceptualization of the world (based on Russian grammar). Moskva : Shkola «Jazyki ruskoj kul'tury», 1997. 576 s.
2. Valgina N. S. Aktivnye processy v sovremennom russkom jazyke = Active processes in the modern Russian language : uchebnoe posobie dlja studentov vuzov. Moskva : Logos, 2003. 304 s.
3. Vinogradov V. V. Russkij jazyk. (Grammaticeskoe uchenie o slove) = The Russian language. (The grammatical doctrine of the word). (Moskva; Leningrad, 1947. 783 s.
4. Volgina E. A. Nekotorye strukturnye i funkcional'nye svojstva voprositel'nogo predlozhenija = Some structural and functional features of the interrogative sentence // Funkcional'naja semantika sintaksicheskijh konstrukcij. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Moskva, 1986. S. 25–30.
5. Volodina M. N. Jazyk massovoj kommunikacii – osobyj jazyk social'nogo vzaimodejstvija = The language of mass communication as a special language of social interaction // Jazyk sredstv massovoj informacii: ucheb. posobie dlja vuzov. Moskva : Al'ma Mater, 2008. S. 27–48.
6. Vomperskij V. P. K izucheniju sintaksicheskijh struktury gazetnogo zagolovka = The language of mass communication as a special language of social interaction // Iskustvo publikacii (problemy teorij i masterstva). tez.dokl. na respublikan. nauchn. konf. Alma-Ata, 1966. S. 82–85.
7. Gal'perin I. R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovanija = Text as an object of linguistic research. Izd. 6-e. Moskva : Izdatel'stvo LKI, 2008. 144 s.
8. Granovskaja L. M. Ritorika = Rhetoric. Moskva : Azbukovnik, 2004. 218 s.

9. Gubina O. Je. Ispol'zovanie nesobstvenno voprositel'nyh predlozhenij v strukture gazetno-publicisticheskogo teksta = Use of improper interrogative sentences in the structure of newspaper text // Russkij jazyk v slavjanskoj mezhekul'turnoj kommunikacii: sbornik nauchnyh trudov po itogam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 80-letiju so dnja rozhdenija d-ra filol. n., professora Vojlovoj K. A. (g. Moskva, 27 fevralja 2023 g.). Moskva : OOO «Postator», 2023. S. 95–98.
10. Degal'ceva A. V. Izmenenija v informacionnyh i analiticheskijh zhanrah sovremennyh SMI = Changes in information and analytical genres of modern mass media / A. V. Degal'ceva, O. B. Sirotinina // Zhanry rechi. 2023. T. 18, № 2(38). S. 155–165.
11. Zubova S. V., Kazeko T. N. Jekspressivnye sintaksicheskie konstrukcii v sovremennoj gazetnoj rechi = Expressive syntactic constructions in modern newspaper speech // Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. 2014. № 6 (33). S. 11–17.
12. Kanaf'eva A. V. Voprositel'nye modifikacii odnosostavnyh i dvusostavnyh predlozhenij v sovremennom russkom jazyke = Interrogative modifications of mononuclear and two-member sentences in the modern Russian language // Verhnevolskij filologičeskij vestnik. 2021. № 1 (24). S. 67–73.
13. Kobozeva I. M. O pervichnyh i vtorichnyh funkcijah voprositel'nyh predlozhenij = On the primary and secondary functions of interrogative sentences // Tekst v rechevoj dejatel'nosti (Perevod i lingvističeskij analiz). Moskva, 1988. S. 54–59.
14. Laguzova E. N., Ushakova A. P. Sintaksicheskie frazeologizmy so slovom hot' kak sredstvo vyrazhenija rechevoj agressii = Syntactic phraseological units with the word hot' as a means of expressing speech aggression // Verhnevolskij filologičeskij vestnik. 2023. № 1 (32). S. 56–65.
15. Lazareva Je. A. Zagolovok v gazete = Newspaper headline. Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 1989. 96 s.
16. Lazareva Je. A. Zagolovochnyj kompleks teksta – sredstvo organizacii i optimizacii vosprijatija = The text heading complex – means of organizing and optimizing perception // Problemy obrazovanija, nauki i kul'tury. Vypusk 19. 2006. № 40. S. 158–166.
17. Milovanova S. O. Gazetnyj zagolovok kak sredstvo aktualizacii smysla = Newspaper headline as a means of meaning actualization // Izvestija Tul'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. Gumanitarnye Nauki. 2010. №1. S. 368–372.
18. Nikolaeva T. M. Ot zvuka k tekstu = From sound to text. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 2000. 680 s.
19. Parshina O. N. Rossijskaja političeskaja rech': Teorija i praktika = Russian political speech: Theory and practice / pod red. O. B. Sirotininoj. Izd. 2-e, ispr. i dop. Moskva : Izd-vo LKI, 2007. 232 s.
20. Petrova N. E., Raciburskaja L. V. Jazyk sovremennyh SMI: sredstva rechevoj agressii = Modern media language: speech aggression means : uchebnoe posobie. Moskva : Flinta : Nauka, 2017. 160 s.
21. Cejtlin S. N. Sintaksicheskie modeli so znameniem psihičeskogo sostojanija i ih sinonimika = Syntactic models with the meaning of mental state and their synonyms. Moskva : Nauka, 1976. S. 161–181.
22. Shahovskij V. I. Lingvističeskaja teorija jemocij = Linguistic theory of emotions : monografija. Moskva : Gnozis, 2008. 416 s.

Статья поступила в редакцию 25.05.2024; одобрена после рецензирования 11.06.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted on 25.05.2024; approved after reviewing 11.06.2024; accepted for publication on 20.06.2024